

Литература

1. Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // Третьи Берсовские чтения: К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс: Мат-лы науч.-практич. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 49-54.
2. Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е. Иванов С.Н., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // ВААЭ. – 2014. – Вып.1. – С. 36-49.
3. Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. – Свердловск, 1964. – Вып.6. – С. 5-23.
4. Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро II: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – Вып.2. – С. 67-78.
5. Ткачѳв А.А., Илюшина В.В. О некоторых особенностях коптяковских древностей подтаежного Притоболья // ВААЭ. – 2014. – Вып.4. – С. 29-39.

ОБЗОР НОВЫХ ДАННЫХ К ПРОБЛЕМЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А.Ю. Мефодьева

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара*

*Научный руководитель – д.и.н., доцент, заведующий Волго-Уральским центром
палеоантропологических исследований А.А. Хохлов*

В наши дни исследование демографической структуры древних обществ прочно вошло в практику палеоантропологических исследований. Демографические характеристики отражают не только общее состояние здоровья населения, но и уровень экономического развития населения, специфику биологической, хозяйственно-культурной и социальной адаптации к окружающей среде. Такие исследования весьма важны в общем контексте динамики развития человеческих обществ, начиная с самых ранних его этапов, и, в определенной степени, могут быть перспективными для прогнозов о будущем развитии человеческих обществ [Хохлов, 2010, с. 133].

Для эпохи бронзы Поволжья сведения по палеодемографии наиболее полно представлены в работах А.В. Шевченко [Шевченко, 1984], Г.В. Романовой [Романова, 1989] и А.А. Хохлова [Хохлов, 2003, 2010]. Первые две

работы были посвящены материалам ямной культуры Нижнего Поволжья и Ставрополя, третья – материалам более широкого хронологического периода – эпох неолита – бронзы Волго-Уралья. По наблюдениям А.А. Хохлова [Хохлов, 2003], от мезо-неолита до эпохи средней бронзы отмечается понижение детской смертности, численное преобладание мужчин над женщинами. В комплексе с археологическими и палеозоологическими наблюдениями делается вывод о том, что первые типичные скотоводы степного и лесостепного ареала Восточной Европы обладали высокой подвижностью. Со средней бронзы ситуация несколько меняется. Для срубной культуры поздней бронзы фиксируется высокая плотность населения и определенная оседлость [Хохлов, 2010]. Также отмечается повышение средних сроков жизни (для мужчин 38,79 лет, для женщин 37,43 лет) и выравнивание соотношения полов.

В нашем распоряжении оказались половозрастные данные по скелетам четырех курганных могильников срубной культуры позднебронзового века, исследованных в Самарской области в период 2007-2016 гг. Данные хранятся в базе данных Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований и были предоставлены автором начальных описаний материалов А.А. Хохловым.

Рассматриваемый нами курганный могильник Борма II, работы над которым проходили в 2016 г., содержал три кургана (№4,6,7). Из них был получен антропологический материал от 21 индивида. Относится авторами исследования к раннему этапу срубной культуры. Материал разной степени сохранности. В его составе 7 детских скелетов до 7 лет (*infantilis I*), включая 2 новорожденных; 4 подростковых: два 8-9 лет, 9-10 лет и 13-14 лет (*infantilis II*); 7 мужских – один 16-18 лет (*juvenilis*); два до 25 лет (*adultus I*), четыре зрелых – 30-45 лет (*maturus I*); три женских скелета, все молодого возраста 18-30 лет (*adultus I-II*). В целом в этом некрополе можно видеть большую долю детских погребений, сильную половозрастную разницу – продолжительность жизни мужчин больше, чем женщин. Средний возраст мужчин будет составляет 33,4 лет (7 инд.), женщин – 21,7 лет (3 инд.), общий – 17,3 лет.

Среди могильников развитого этапа поздней бронзы – Рассвет I и Садгород IV (Кинель-Черкасский район), Михайловский II (Кинельский район).

Одиночный курганный могильник Рассвет I исследован в 2007 году. Он содержит 7 погребений: одно мужчины 30-40 лет, которого можно отнести к категории «зрелый», или *maturus I*, одно женщины 18-25 лет (молодой, *adultus I*); 5 детских, в которых все индивиды возраста до 6 лет (категория

детского возраста, *infantilis I*). Также курганный могильник содержал сооружение с двумя камерами, в которых найдены кальцинированные кости двух индивидов. Пол одного предположительно женский, возраст зрелый, пол второго не определен, возраст также указан как зрелый.

Учитывая половозрастной состав погребенной группы, все они могли находиться в родственной связи. Наличие в этой группе женщины фертильного возраста и новорожденного может предполагать вероятность их семейного родства. Конечно, для точного определения степени родства данной группы требуется генетический анализ.

Могильник Кинель-Черкасского района Садгород IV был исследован в 2016 году. В общей сложности он содержал 11 погребений. Из них три женских: 17-25 лет (*adultus I*), 25-30 лет (*adultus II*), 35-45 лет (*maturus I*); три мужских: 25-45 лет (ближе к *maturus I*), 40-50 лет (ближе к *maturus II*) и 20-25 лет (*adultus I*); три детских скелета: 8-9 лет (*infantilis II*), 4-5 лет (*infantilis I*), 6-7 лет (*infantilis I*), а также один индивид 15 лет (юношеский возраст, *juvenilis*). Один индивид с неопределенного пола 30-40 лет (*maturus I*). Исходя из этих данных, мы видим несколько меньшую долю детских погребений и отсутствие погребений детей первых лет жизни, возраст женщин по-прежнему ниже, чем мужчин, как минимум двое из них детородного возраста.

В результате раскопок 2015 г. трех курганов (№2,3,7) курганного могильника Михайловский II был получен антропологический материал в составе 18 скелетов. Из них 9 – детского возраста (от 0 до 8 лет, *infantilis I*); три – подросткового – от 12 до 15 лет (*infantilis II*); женщина юношеского возраста 14-17 лет (*juvenilis*). Погребений взрослых людей (от *adultus I*) всего 5: два мужских, 25-40 лет (ближе к *maturus I*) и 18-20 лет (*adultus I*); одно женское 35-45 лет (*maturus I*) и одно, в котором были останки индивида зрелого возраста (пол не определен). Опять же наблюдается высокий процент детских и подростковых погребений (более 50%). Кроме того, в кургане №3 в трех захоронениях (одно парное – мужчина 30-40 лет и женщина 35-45 лет), и в других двух (дети около 7 и 7-8 лет) были обнаружены предположительно следы чумы (*Yersinia pestis*)* [работа находится в печати], образцы обрабатывались немецкими исследователями (Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften). На черепках этих же взрослых индивидов из двойного погребения кургана 3 обнаружены следы травматических повреждений, которые могли быть причиной смерти.

В итоге можно резюмировать.

По новым материалам средние сроки жизни мужчин раннего этапа срубной культуры незначительно выше суммарных значений по трем мо-

гильникам развитого этапа (33,4 против 32,0). У женщин эти цифры повышаются к развитому этапу (с 21,7 до 27,0).

В целом же все эти значения несколько уступают тем, что были предложены в работе А.А. Хохлова (2010), а именно в части понижения сроков жизни населения. Это можно воспринимать и сточки зрения явной недостаточности материала, и одновременно думать, что в некоторых географических пунктах происходили локальные демографические тенденции, к примеру, связанные с повышением инфекционного фона.

Таблица 1 – Некоторые демографические показатели из могильников срубной культуры поздней бронзы

Название КМ	Мужчины	Женщины	Общий средний возраст
Борма II	33,4	21,7	17,3
Рассвет I	35,0	22,0	10,3
Садгород IV	40,0	28,7	25,7
Михайловский II	24,5	28,0	10,0

Литература

1. Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // Вопросы антропологии. Вып. 82. – Москва, 1989. – С.67-77.
2. Хохлов А.А. Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара, 2003. – С. 112-125.
3. Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии (коллективная монография). – Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. – Гл. 2. – С. 133-152.
4. Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Ленинград, 1986. – С. 121-215.